SHOUT
SHARE
IT

Annotation

(Мария Edgeworth) — английская писательница (1767–1849). Воспитанная отцом, ирландским помещиком и членом парламента, человеком оригинального ума, она выступила в литературе с «Essays on a practical education» (1798) и приобрела известность очерками ирландской жизни «Essay on Irish Bulls» (1802) и романом «Castle Rackrent» (1800). В 1804 г. ее «Belinda» и «Popular tales» вызвали общий интерес своей простотой, противоположной тогдашней модной манерности. В «Modern Griselda» (1805), «Leonora» (1806) и «Tales of fashionable» (1809 и 1812, 6 т.) она расширяет круг своих наблюдений, давая картины светской жизни; в «Patronage» (1814) изображает противоположность между зависимостью от знати и нравственной свободой, условленной трудом; в «Harrington» (1817) борется с предрассудками против евреев; в «Ormond» (1817) вновь возвращается к ирландской жизни; в «Helen» (1834, русский пер., СПб., 1835) изображает различные степени порока. Большой известностью пользовались ее детские рассказы: «Early lessons» (1822-25). Романы Э. имеют явно дидактическую тенденцию, но отличаются жизненностью и непосредственностью наблюдений. Чтение ее произведений привело Вальтера Скотта к мысли дать художественное изображение своей родной Шотландии. Потеряв в 1817 г. отца, Э. закончила его воспоминания («Memoirs of Richard Lowell Edgeworth», 1820).

- Прусская ваза
  - ○

Прусская ваза
(Повѣсть Гж. Эджевортъ)

Извѣстно, что Фридрихъ II, завоевавъ Саксонію, перевелъ многихъ художниковъ изъ Дрездена въ Берлинъ, въ которомъ намѣренъ былъ завести фарфоровую фабрику. Нещастные плѣнники, навѣки разлученные съ отечествомъ, принуждены были работать для славы и выгоды побѣдителя. Между ими находилась Софія Мансфильдъ, молодая, прекрасная, одаренная необыкновенными талантами. Судьба хотѣла того, чтобъ Фридриху, въ то время, когда онъ осматривалъ Мейссенскую мануфактуру, показали двѣ или три фарфоровыя вазы превосходной работы, которыхъ рисунокъ дѣлала Софія и на которыхъ живопись была ея же произведенія. Король, прельстившись вазами, приказалъ, чтобъ Софія немедленно была отправлена въ Берлинъ. Софія повиновалась; но въ Мейссенѣ оставила она и дарованіе свое и прилѣжность. Должность ея состояла въ томъ, чтобы писать на фарфоръ по собственнымъ своимъ рисункамъ; но всѣ рисунки ея были безъ вкуса и правильности; рука ея, прежде столь искусная, почти не владѣла кистію: Софія не имѣла ни способности, ни желанія трудиться; она по нѣскольку часовъ просиживала надъ работою, потупивъ голову, сложивши руки, смотря на кисть, задумчивая, печальная, безмолвная: меланхолическая наружность ея трогала сердце. Главный надзиратель мануфактуры, замѣтивъ задумчивость Софіи, желалъ узнать ея причину — Софія упорно хранила молчаніе; онъ требовалъ, чтобы она работала прилѣжнѣе Софія, по прежнему, проводила большую часть времени въ бездѣйствіи. Наконецъ онъ сталъ угрожать что принесетъ на нее жалобу Фридриху при первомъ его посѣщеніи мануфактуры.

Фридрихъ, желая, чтобы фарфоровыя работы доведены были до возможнаго совершенства въ Берлинѣ, осматривалъ очень часто новую свою мануфактуру. Однажды посѣтилъ ее знатный путешествующій Англичанинъ, сопутствуемый нѣкоторыми изъ Берлинскихъ знакомцевъ своихъ, въ числѣ которыхъ находился Августъ Ланицкій, молодой Полякъ, воспитанный въ Берлинской военной школъ, осьмнадцати лѣтъ, живой, пламенный, умный, любимый Фридрихомъ и привязанный къ нему до изступленія — привязанность, которая однако не была ни слѣпая, ни рабская: «Ланицкій удивлялся великимъ качествамъ своего Государя, но видѣлъ и недостатки его, на счетъ которыхъ не рѣдко выражался съ пылкимъ прямодушіемъ молодости. Разговаривая съ

Англичаниномъ о Фридрихъ, онъ превозносилъ съ восторгомъ великія и славныя дѣла Героя, но въ тоже время позволялъ себѣ и не одобрять несправедливыхъ и самовластныхъ поступковъ Деспота.

И такъ Герой Фридрихъ — сказалъ Англичанинъ на ухо Ланицкому, осмотрѣвъ нѣкоторыя работы фабрикантовъ — даетъ себѣ иногда волю быть самовластнымъ и притѣснителемъ. Безъ сомнѣнія, Прусской фарфоръ не уступитъ со временемъ Саксонскому; но скажи мнѣ, что замѣнитъ потерянное щастіе для этихъ бѣдныхъ невольниковъ, которые, въ угожденіе прихотливому человѣку, навѣки разлучены съ любезнымъ отечествомъ? Взгляни на блѣдныя, задумчивыя лица ихъ; взгляни на эту молодую дѣвушку — продолжалъ онъ, указывая на Софію — ей вѣрно не болѣе семнадцати лѣтъ, но она почти увяла, и горесть, написанная на лицѣ ея, конечно умертвитъ ее прежде времени. Посмотри, съ какимъ отвращеніемъ она работаетъ: таковъ жребій невольниковъ! Желалъ бы перенести тебя на время въ Англію и указать на нашихъ ремесленниковъ: какая разница! но они свободны!» — Но развѣ нельзя свободному человѣку быть больнымъ? Обвиняете ли Короля своего всякой разъ, когда одинъ изъ подданныхъ его занеможетъ лихорадкою или горячкою? Я увѣренъ, что эта дѣвушка больна, и сію же минуту узнаю истину. — Ланицкій подошелъ къ надзирателю и началъ разспрашивать его по-нѣмецки о Софіи: отвѣтъ надзирателя былъ таковъ, что Ланицкій, возвратившись къ товарищу своему, не захотѣлъ продолжать разговора. Пошли осматривать горны. Ланицкій, отставши непримѣтно отъ другихъ, приближился къ Софіи. Что причиною твоей печали, милая? спросилъ онъ. Надзиратель увѣряетъ меня, что ты, съ самаго пріѣзда своего въ Берлинъ, не сдѣлала ничего порядочнаго, а всѣмъ извѣстно твое искуство! По крайней мѣрѣ эта прекрасная ваза, которую привезли изъ Мейссена, твоей работы. — Это правда, милостивый государь? отвѣчала Софія: по нещастію Король увидѣлъ ее! Ахъ! естьли бы этаго не случилось.. Она вздохнула, и замолчала: горестное воспоминаніе о миломъ отечествѣ снова стѣснило ея душу. — Ты грустишь по своей родинѣ! сказалъ Ланицкій: развѣ нельзя найти щастія въ Берлинъ? — «Ахъ, могу ли забыть о моемъ отцѣ, о моей матери! во мнѣ одной находили они утѣшеніе при старости! Могу ли забыть о томъ, что дѣлало мое щастіе, что было для меня драгоцѣнно, что я потеряла и можетъ быть потеряла на вѣки?» — Ахъ, милостивый государь! шепнулъ одинъ ремесленникъ, сидѣвшій съ Софіею рядомъ; она оставила въ Саксоніи жениха; ихъ разлучили почти наканунѣ свадьбы. — «Для чего-же ея женихъ не послѣдовалъ за нею въ Берлинъ?*' спросилъ

Ланицкій. — Онъ здѣсь., милостивый государь, но онъ скрывается: Бога ради, не сказывайте объ этомъ никому! вы будете причиною великаго нещастія. — „Но для чего же онъ скрывается?" — Королю не угодно, чтобъ Софія съ нимъ видѣлась и за него вышла замужъ. Вамъ извѣстно, милостивый государь, что многія изъ нашихъ Саксонокъ насильно были выданы за Прусаковъ. Софія Мансфильдъ досталась на часть одному солдату, который обѣщаетъ пожаловаться Королю, естьли, по истеченіи мѣсяца, не будетъ она его женою. А надзиратель каждой день бранится на нее за то, что она лѣнива и слишкомъ задумчива: онъ также хочетъ довести это до свѣденія Королевскаго: бѣдная дѣвушка сама ищетъ своей погибели; мы нѣсколько разъ совѣтовали ей перемѣниться, но всѣ наши увѣщанія напрасны: она ничего не слышитъ, сидитъ по цѣлымъ днямъ поджавши руки, потупивъ голову, смотря на кисть… жалко ее видѣть! Но дѣлать нечего; воля Королевская должна быть исполнена!

Исполнена! — воскликнулъ Ланицкій, и глаза его засверкали — и тогда исполнена, когда она безразсудна, когда она противна справедливости, человѣчеству… Онъ опомнился, замолчалъ, но слова его были замѣчены предстоявшими. Софіино лице оживилось, она упала къ ногамъ Ланицкаго и воскликнула: милостивый государь! будьте моимъ защитникомъ! Вы сострадательны; вы конечно имѣете доступъ къ Королю: осмѣльтесь сказать ему обо мнѣ одно слово! Избавьте меня отъ этаго ужаснаго супружества! — Англичанинъ и другіе посѣтители подошли въ это время къ Ланицкому; Софія встала и сѣла опять за свою работу. Ланицкій, тронутый во глубинъ души, схватилъ Англичанина за руку и потащилъ его за собою изъ комнаты Такъ, мой другъ, воскликнулъ онъ съ горестію, Фридрихъ тиранъ! но какимъ средствомъ спасти его жертву? — „Благоразуміемъ, осторожностію, Ланицкій!“ отвѣчалъ молодой Альбертъ, его другъ, который съ нимъ вмѣстѣ осматривалъ фабрику. — Благоразуміемъ! осторожностію! средство малодушныхъ и робкихъ; я избираю рѣшимость и мужество! — „Но развѣ не могутъ онъ быть дѣйствительны вмѣстѣ и въ одно время?“ Не знаю! и на что мнѣ знать? По крайней мѣрѣ не чувствую никакого желанія разбирать эту матерію по правиламъ твоей остроумной логики, которую предпочитаешь всему на свѣтѣ! - „Кромѣ тебя, однако, Ланицкій! потому что позволяю тебѣ бранить мою логику сколько тебѣ угодно!“ — Впрочемъ такое предпочтеніе весьма естественно: твое оружіе перо, а мое шпага! изъ этаго слѣдуетъ, что языкъ твой не всегда можетъ быть мнѣ понятенъ! — „Не знаю, Ланицкій! но увѣряю тебя только въ томъ, что я готовъ служить

тебѣ своимъ оружіемъ всякой разъ, когда потребуютъ того твоя честь, твоя выгода, твое спокойствіе. Ланицкій посмотрѣлъ съ нѣжностію на Альберта и подалъ ему руку. Альбертъ! сказалъ онъ съ чувствомъ: какое щастіе имѣть подобнаго тебѣ друга! Всякой день матушка говоритъ мнѣ, что я долженъ благодарить судьбу за то, что она меня съ тобою соединила: просвѣти же меня своимъ благоразуміемъ — покажи мнѣ самое вѣрное средство спасти эту нещастную! Не могу равнодушно подумать о ея погибели! — «Напишемъ отъ имени Софьи просьбу и подадимъ ее Королю: ты знаешь, что онъ читаетъ всѣ представляемыя ему бумаги самъ, и тотчасъ даетъ на нихъ рѣшеніе.» — Просьба вминуту написана и подана Фридриху: Альбертъ и Ланицкій съ великимъ нетерпѣніемъ ожидали его приговора.

Фридрихъ, во время пребыванія своего въ Потсдамѣ, очень часто проводилъ вечера у Графини Ланицкой; остроумной, прекрасно-воспитанной и лучшаго тона женьщины. Въ домѣ ея собирались самыя знатныя люди Пруссіи, и между прочими нѣкоторые Французскіе писатели, находившіеся въ то время при Дворѣ Фридриха; Король, чрезвычайно любезный и пріятный въ обхожденіи, оживлялъ своимъ присутствіемъ это общество, гдѣ всѣ забывали, что онъ Монархъ, и видѣли въ немъ обходительнаго, простаго, веселаго человѣка.

Дни черезъ два, по представленіи Софіиной просьбы, Фридрихъ пріѣхалъ по обыкновенію своему къ Графинѣ Ланицкой на вечеръ. Всѣ разговаривали; Король молчалъ. Вдругъ, обратившись къ Англичанину, который также находился въ то время у Графини, онъ спрашиваетъ: скажите мнѣ, правда-ли, что вашъ соотечественникъ Веджебудъ сдѣлалъ прекрасную вазу по образцу Барберніевой и Портландовой? Правда, Ваше Величество, и подражаніе не уступаетъ подлиннику. Работа его такъ превосходна, что многіе изъ нашихъ стихотворцевъ писали поэмы въ похвалу великаго Художника. Англичанинъ прочелъ нѣкоторые стихи, въ самомъ дѣлѣ прекрасные. Фридрихъ, который самъ былъ стихотворецъ и хорошій критикъ, слушалъ его со вниманіемъ, и наконецъ воскликнулъ: и я опишу стихами Прусскую вазу! — «Прусскую вазу, Ваше Величество? спросилъ Англичанинъ. Увижу ли ее прежде моего отъѣзда изъ Берлина?» — Увидите, естьли пробудете здѣсь еще мѣсяцъ. Эта ваза еще не существуетъ, но я намѣренъ предложить моимъ Художникамъ такую награду, которая, вѣроятно, дастъ новую силу ихъ дарованію. Въ Пруссіи люди имѣютъ такія же руки, какъ и въ Англіи и въ Италіи; и почему не быть Прусской вазѣ, когда есть Веджевудова и Барбериніева? Или я очень худо знаю ремесло Короля, или мнѣ будетъ не трудно воспламенить всѣ тѣ таланты,

которые у меня передъ глазами. Въ моей Берлинской мануфактурѣ, продолжалъ Король, устремивъ проницательный взглядъ на Ланицкаго, есть молодая Художница, которая чрезвычайно желаетъ возвратиться съ женихомъ своимъ въ Саксонію: не спорю! но всѣ военноплѣнные обязаны платить за себя побѣдителю выкупъ, естьли не деньгами, то по крайней мѣрѣ своими дарованіями. Воля Королевская должна быть исполнена; и одинъ только тотъ, кто имѣетъ разсудокъ здравый, имѣетъ право рѣшить, противна ли она правосудію, человѣчеству и такъ далѣе. — При этомъ словъ Фридрихъ простился съ Графинею и вышелъ изъ комнаты. Ланицкій остался въ великомъ замѣшательствѣ; всѣ его друзья вообразили, что онъ пропалъ; но, къ величайшему ихъ удивленію, Фридрихъ обошелся съ нимъ на другой день весьма благосклонно, и казалось совсѣмъ не помнилъ о прошедшемъ. Ланицкій, чувствительный и добрый характеромъ, былъ чрезвычайно разтроганъ милостію Фридриха: исполненный удивленія, благодарности, раскаянія, онъ бросился къ ногамъ Монарха и со слезами воскликнулъ: Государь! простите, что я въ минуту изступленія осмѣлился назвать васъ тираномъ! — Мои другъ, ты еще слишкомъ молодъ, отвѣчалъ Король, а я не могу уважать мнѣнія вѣтренныхъ или безумныхъ, на всякой случай однако совѣтую тебѣ замѣтить, что надобно быть осторожнѣе въ разговорахъ, когда тирановъ Дворецъ не далѣе отъ тебя, какъ въ пяти миляхъ. Вотъ мой отвѣтъ на челобитную Софіи Мансфильдъ — Онъ подалъ ее Ланицкому; въ низу написано было собственною рукою Фридриха слѣдуюіцее:

«Оставляю на волю вступать и не вступать въ супружество тому изъ Художниковъ, которой черезъ мѣсяцъ сдѣлаетъ фарфоровую вазу превосходнѣе всѣхъ, находящихся въ Берлинской мануфактурѣ; позволяю ему возвратиться въ отечество, естьли захочетъ, и даю ему въ награду пять сотъ ефимковъ, естьли согласится остаться въ Берлинѣ. Имя его будетъ написано на вазъ, которая, въ честь Художника, получитъ наименованіе Прусской.»

Софія, прочитавъ этотъ отвѣтъ, какъ будто возродилась: она почувствовала въ себѣ и прежнее дарованіе и новую силу дѣйствовать. Но ей надлежало побѣдить многихъ соперниковъ: награда, обѣщанная Фридрихомъ, привела всѣ головы въ движеніе: одни ласкали себя надеждою возвратить свободу; нѣкоторыхъ прельщали пять сотъ ефимковъ, и всѣ вообще были воспламеняемы благороднымъ желаніемъ увидѣть имя свое на Прусской вазѣ. Но всѣ сіи побудительныя причины были ничто въ сравненіи съ тѣми чувствами, которыми животворилось дарованіе Софіи: она восхищала себя надеждою увидѣть все, милое для ея

сердца, надеждою возвратишься въ отечество, надеждою соединенія съ любезными! Всѣ Художники почли за необходимое совѣтоваться съ тѣми людьми, которые признавались лучшими судіями вкуса въ Берлинѣ; Софія показала рисунокъ свой Графинъ Ланицкой, которой замѣчанія были для нее весьма полезны. Наконецъ рѣшительный день наступилъ: вазы привезены въ Санъ-Суси, и выставлены по приказанію Короля въ картинной Галлереѣ. Фридрихъ, кончивъ заниматься государственными дѣлами, приходитъ въ Галлерею со множествомъ чиновниковъ, въ числѣ которыхъ находился и Ланицкій; долго въ молчаніи разсматриваетъ вазы, наконецъ, указавши на одну, говоритъ: вотъ Прусская ваза! — Это Софіина! воскликнулъ Латшцкій, и опрометью побѣжалъ изъ Галлереи, желая первый обрадовать любезную Художницу, которая въ то время находилась въ домъ его матери вмѣстѣ съ своимъ женихомъ, и въ страшномъ безпокойствѣ ожидала рѣшенія своей участи. Пламенные, восхищенные взоры Ланицкаго издали еще возвѣстили ей щастіе. Задыхаясь отъ усталости, вбѣжалъ онъ въ комнату Графини, сложилъ руки любовниковъ, и могъ только произнести одно слово: свобода! вы щастливы!

Король приказалъ, чтобъ Софія на другой же день вышла замужъ за своего жениха и тотчасъ поѣхала въ Саксонію. Щастливая чета прощалась уже съ Графинею и сыномъ ея — какъ вдругъ множество голосовъ послышались въ переднихъ комнатахъ; на лѣсницѣ сдѣлался страшный стукъ, какъ будто произходила ссора между служителями дома и другими людьми, которые хотѣли ворваться въ него насильно. Ланицкій вышелъ, желая узнать причину шума. Сѣни наполнены были солдатами; Офицеръ всходилъ на лѣсницу — Вы ли молодой Графъ Ланицкій? спросилъ онъ, приближась съ учтивостію къ Графу. — «Я, милостивый государь! Что вамъ угодно? и для чего безпокоите матушку такимъ шумнымъ приходомъ?» — Извините; я исполняю повелѣніе Короля. Не здѣсь ли, позвольте спросишь, Софія Мансфильдъ? — «Здѣсь; но какое имѣете до нее дѣло?» — Я долженъ отправить ее сію же минуту въ Саксонію, а васъ, государь мой, арестовать. Прошу покорно отдать мнѣ вашу шпагу! — Ланицкій изумился, не постигая, какимъ преступленіемъ навлекъ на себя Королевскій гнѣвъ. Ни что не было извѣстно Офицеру; онъ только имѣлъ приказаніе отправить Софію въ Мейссенъ, а Ланицкаго немедленно отвести въ крѣпость Шпандау, государственную темницу. — Хочу, непремѣнно хочу узнать прежде свое преступленіе! повторялъ Ланицкій, будучи внѣ себя отъ досады; но присутствіе матери укротило его пылкость: онъ отдалъ свою шпагу. «Августъ! сказала Графиня,

смотря на него съ нѣжною довѣренностію: ты невиненъ, я въ этомъ не сомнѣваюсь; правосудіе Короля успокоиваетъ мое сердце!» Ихъ разлучили.

На другой день, рано поутру, Графиня ѣдетъ въ Потсдамъ. Короля еще не было во Дворцѣ, онъ училъ Гвардію. Часа черезъ полтора возвращается, и первой человѣкъ, встрѣтившій его на крыльцѣ, была Графиня Ланицкая — онъ подошелъ къ ней съ обыкновенною своею ласкою и сказалъ: Графиня! я надѣюсь что вы не имѣете никакого участія въ безразсудномъ поступкѣ вашего сына, вѣтреннаго, неблагодарнаго, дерзкаго… «Государь! мой сынъ могъ быть и вѣтренъ и дерзокъ и безразсуденъ; но онъ имѣетъ доброе сердце, онъ искренно привязанъ къ Вашему Величеству; онъ живо чувствуетъ тѣ милости, которыми Вы его осыпали, и никогда не можетъ быть неблагодарнымъ!» — На это не скажу вамъ, ни слова; но прошу васъ нынѣче ввечеру пріѣхать ко мнѣ въ Санъ-Суси; буду ожидать васъ въ картинной моей Галлереѣ: тамъ узнаете причину Августова заключенія въ Шпандау.

Въ восемь часовъ вечера Графиня пріѣзжаетъ въ Санъ-Суси, Короля еще не было въ Галлереѣ. Графиня около получаса прохаживалась въ ужасномъ волненіи взадъ и впередъ по комнатъ; наконецъ слышитъ голосъ и узнаетъ походку Короля; отворяется дверь: Фридрихъ входитъ и прямо идетъ къ Графинѣ. Она остановилась; нѣсколько минутъ ждала, чтобы Король началъ говорить; нѣсколько минутъ не сводилъ онъ съ нее проницательнаго своего взора; наконецъ сказалъ: вижу, Графиня, что вамъ ни что неизвѣстно. Взгляните на эту вазу; на это славное произведеніе Софіи Мансфильдъ. Я знаю, что вамъ ее показывали прежде, нежели принесли въ галлерею; скажите, кто дѣлалъ на ней роспись? — «Мои сынъ, Ваше Величество.» — Точно ли сынъ вашъ, Графиня? — «Точно, Государь! Софія знала, что онъ имѣетъ прекрасный почеркъ, и просила, чтобы онъ вмѣсто ея сдѣлалъ надпись на этой вазъ.» — Не правда ли, что она заключаетъ въ себѣ самый лестный для меня панегирикъ? — «Какія бы ни были преступленія моего сына, Государь, но Вы конечно не причтете къ нимъ подлой лести, которая всегда противна была сердцу нещастнаго моего Августа. Вашему Величеству извѣстно, что онъ недавно своею безразсудною неосторожностію едва не навлекъ на себя Вашей немилости; но великодушное прощеніе Вашего Величества несказанно тронуло душу его; въ жару благодарности своей, написалъ онъ эту похвалу, которую несправедливо бы было почитать гнусною лестію, а еще несправедливѣе наказывать за нее такъ строго.» — Вы говорите, Графиня, какъ нѣжная мать, но вы въ заблужденіи! Кто вамъ сказалъ, что сынъ вашъ арестованъ

за нѣсколько лестныхъ словъ? Повѣрьте, что я умѣю равно презирать и лесть и ругательство! но, въ поступкѣ вашего сына вижу такую черную неблагодарность, которая противна моему сердцу, и за которую наказать его почитаю необходимымъ долгомъ. Прошу васъ меня выслушать: я хотѣлъ подарить эту вазу Вольтеру; тотъ человѣкъ, которому поручено было ее уложить въ ящикъ, показалъ мнѣ надпись, сдѣланную вашимъ сыномъ: она польстила моему самолюбію, тѣмъ болѣе, что я увѣренъ былъ въ прямодушіи Графа Ланицкаго. Но тотъ же самый человѣкъ первый замѣтилъ, къ общему нашему удивленію, что синяя краска, на которой сдѣлана была надпись, отпала, и что подъ нею скрывалось еще нѣсколько словъ. Прежде написано было: во славу Фридриха Великаго, но когда мы стерли краску, то ясно увидѣли слово тирана. И такъ, милостивая государыня, вмѣсто похвалы, которой по увѣренію вашему удостоилъ меня Графъ Ланицкій, вы можете прочесть на вазѣ лестную надпись; во славу Фридриха Великаго тирана. Я не имѣю нужды вамъ дѣлать на это своихъ замѣчаній; Фридрихъ, великій тиранъ, можетъ быть другомъ матери, наказывая строго неблагодарнаго и дерзкаго ея сына. Простите; завтра ввечеру увидимся.

Графиня не отвѣчала ни слова; сердцѣ увѣряло ее въ невинности Августа, но въ ту же минуту представились ей всѣ прежнія безразсудные поступки молодаго человѣка, которые дѣлали вѣроятнымъ его настоящіее преступленіе и оправдывали строгость Короля. Возвратившись домой, нашла она у себя Альберта, который нетерпѣливо желалъ узнать, по какой причинъ Ланицкій взятъ подъ стражу. Онъ изумился, когда Графиня сказала ему о преступленіи Августа. Не можетъ быть! воскликнулъ онъ твердымъ голосомъ, и не теряя ни минуты, побѣжалъ къ тому человѣку, которому поручено было укладывать вазу. Разспросивъ его обо всемъ, что было необходимо знать, отправлялся онъ на фабрику — словомъ, не забылъ ни одной подробности, нужной для полнаго сведенія объ этомъ дѣлѣ. На другой день ввечеру пріѣзжаетъ онъ къ Графинѣ, совершенно увѣренный въ невинности сына ея. И въ этотъ вечеръ обыкновенное общество Графини собралось у нее въ домѣ; всѣ сидѣли вокругъ печальной матери и разговаривали о приключеніи Ланицкаго. Какое щастіе, воскликнулъ Англичанинъ, быть гражданиномъ такой земли, въ которой никто не можетъ быть лишенъ свободы не узнавши прежде своей вины, гдѣ судятъ тебя въ присутствіи всего народа, гдѣ можно самому избирать своихъ судей, не опасаясь ни притѣсненія, ни пристрастія!.. Англичанинъ продолжалъ говорить съ восторгомъ о законахъ своей отчизны; Фридрихъ былъ уже въ комнатѣ, и никто

его не замѣтилъ… «Ахъ! воскликнула Графиня, какъ щастливъ бы былъ мои сынъ, когда бы имѣлъ онъ тѣ выгоды, которыми пользуется невинный, судимый своими ровными!» — А я былъ бы щастливѣе, воскликнулъ Альбертъ, когда бы мнѣ позволили быть Адвокатомъ Августа! — «Позволяю, сказалъ Король, котораго неожиданное присутствіе всѣхъ привело въ изумленіе; но позволяю съ условіемъ, молодой человѣкъ, ты будешь вмѣстѣ съ своимъ другомъ заключенъ на шесть лѣтъ въ Шпандау, естьли не найдешь средства доказать мнѣ, что онъ невиненъ. Позволяю Ланицкому самому избрать судей своихъ; и естьли число двенадцать почитается золотымъ, священнымъ, божественнымъ, то позволяю ему назначить ихъ двенадцать и даже назвать присяжными. Я выберу для себя Адвоката; а вы, Альбертъ, будете Адвокатомъ Августа! Принимаете ли вы мои условія? — „Съ истинною благодарностію, Ваше Величество; но смѣю просишь у Васъ позволенія увидѣться съ Ланицкимъ.“ — Это новое; но соглашаюсь и на то. Вы можете провести два часа наединѣ съ Графомъ, и сію же минуту получите отъ меня повелѣніе къ Губернатору крѣпости. Но знайте, что я не перемѣню своего намѣренія естьли, паче чаянія, переговоривъ съ преступникомъ, потеряете охоту быть его Адвокатомъ. Альбертъ объявилъ, что онъ согласенъ на все. Графиня Ланицкая и другіе, находившіеся въ комнатѣ, превозносили до небесъ правосудіе Фридриха. Альбертъ, увидѣвшись съ молодымъ Графомъ въ Шпандау, нашелъ его спокойнымъ, и еще болѣе увѣрился въ совершенной невинности своего друга. Но Ланицкій трепеталъ за Альберта: великодушный другъ! говорилъ онъ, какъ могъ ты согласиться на хитрыя условія Короля? Я невиненъ, клянусь Богомъ; но можешь ли доказать мою невинность? Ахъ! тайное предчувствіе увѣряетъ меня, что ты приносишь себя на жертву дружбѣ, что будешь дѣлить со мною нещастную мою участь! — Альбертъ не отвѣчалъ ни слова, пожалъ Ланицкому руку, и полетѣлъ въ Берлинъ.

Въ тотъ день, въ который назначено было судить Ланицкаго, множество людей обоего пола и разнаго званія собрались въ огромной Дворцовой залѣ, очищенной для засѣданія присяжныхъ. Посрединѣ приготовили возвышенное мѣсто для Судьи, по сторонамъ сдѣланы были двѣ загородки: за одною находились присяжные, за другою зрители; адвокаты и свидѣтели сидѣли за двумя столами — Королевскіе на правой сторонъ, а Ланицкаго на лѣвой.

Вошла Графиня, и заняла послѣднее мѣсто въ концѣ Галлереи: всѣ обратили на нее глаза, всѣ съ почтительнымъ сожалѣніемъ смотрѣли на горестную мать — глубокое безмолвіе царствовало въ собраніи. Вдругъ главная дверь разтворяется съ

шумомъ: входитъ Король, окруженный Придворными и Генералами; садится, и Судья громкимъ голосомъ призываетъ обвиненнаго. Ланицкій, сопровождаемый двумя Офицерами гвардіи, безъ шпаги и шляпы, является у загородки: на лицѣ его написано спокойствіе; онъ осматривается, видитъ Короля и наклоняетъ передъ нимъ голову съ благородною важностію; видитъ свою мать, и взоры его воспламеняются, наконецъ видитъ Альберта своего друга, своего великодушнаго, неустрашимаго защитника, — Альберта, спокойно стоящаго передъ столомъ по лѣвую сторону, и какъ будто заранѣе увѣреннаго въ своемъ успѣхѣ, и слезы благодарности стремятся изъ глазъ его: онъ чувствуетъ въ сердцѣ прискорбное, неизъяснимо сладкое восхищеніе! Судья встаетъ; на лицахъ зрителей изображается любопытство; всѣ умолкаютъ и готовятся слушать.

Милостивые Государи! сказалъ Судья, обратясь къ присяжнымъ: вы призваны сюда Его Величествомъ для того, чтобы оправдать или обвинить Графа Ланицкаго, подозрѣваемаго въ оскорбленіи Величества. Графъ Варендорфъ наименованъ Адвокатомъ Государя; Баронъ Альбертъ Альтенбергъ есть Адвокатъ Графа Ланицкаго: онъ вызвался добровольно защищать обвиненнаго своего друга. Выслушавъ мнѣнія и доказательства обоихъ Адвокатовъ, вы, милостивые Государи, должны произнести приговоръ свой, согласно съ совѣстію и убѣжденіемъ вашего разсудка. — Старшій между вами сообщитъ мнѣ ваше мнѣніе въ одномъ только словѣ: невиненъ, или виновенъ; оно рѣ шитъ судьбу обвиненнаго.

Естьли произнесете слово невиненъ, то ему немедленно возвращена будетъ свобода; минутное заключеніе не должно оставить никакого на чести его пятна; Государь обязуется загладить оскорбленіе, невольно ему нанесенное. Но словомъ виновенъ осудите вы преступника на шестилѣтнее заключеніе въ крѣпость Шпандау — предупреждаю Барона Альтенберга, что и онъ равномѣрно лишенъ будетъ свободы, есть ли не найдетъ способа доказать невинности Графа Ланицкаго: съ этимъ только условіемъ дано ему позволеніе быть Адвокатомъ своего друга.

Судья замолчалъ, и Графъ Варендорфъ, Королевскій Адвокатъ, приближась къ судейскому столу, началъ говоришь слѣдующее: „Милостивые Государи! съ горестію приступаю ко исполненію важнаго, возложеннаго на меня долга. Обязанность обвинителя ни въ какое время пе можетъ быть обязанностію пріятною; но она и тягостна и печальна, когда; имѣвъ чувствительное и нѣжное сердце, принуждены бываемъ называть преступникомъ такого человѣка, каковъ молодой Графъ Ланицкій, знатный именемъ, уважаемый и любимый въ обществѣ,

имѣющій образованный и острый умъ, благородное сердце и качества любезныя! Знаю, что буду обвинять Графа Ланицкаго въ присутствіи его друзей; въ присутствіи почтенной его матери, украшенной всѣми добродѣтелями женскаго пола, и въ эту минуту еще болѣе для всѣхъ насъ драгоцѣнной, по тому ужасному нещастію, которое постигнетъ ее въ лицѣ милаго сына.“

„Не сомнѣваюсь также и въ томъ, чтобы вы не чувствовали искренняго почтенія къ молодому Барону Альтенбергу, который, не ужасаясь долговременнаго заточенія, готовится оправдывать преступника. Я уважаю необыкновенныя качества Барона Альберта; удивляюсь его неустрашимости, но сожалѣ;ю, что первое дѣло, въ которомъ рѣшился онъ взять сторону обвиненнаго, представляетъ великодушнымъ усиліямъ его столь мало успѣха. Увѣренъ однако, что сладкое чувство исполненія должности поддержитъ его въ сей трудной и, смѣю сказать, неравной борьбѣ: что можетъ быть пріятнѣе имени защитника, и защитника своихъ друзей, хотя они и виновны? — И я, милостивые Государи, представляюсь передъ глаза ваши, какъ безпристрастный защитникъ друга. Такъ, Фридрихъ Великій позволяетъ мнѣ именоваться его другомъ. Превосходя во всемъ другихъ Государей, онъ презираетъ низкую лесть, провозглашающую его Богомъ и ищетъ искренности въ сердцѣ друзей, которые напоминаютъ ему, что онъ человѣкъ. Щастливы повинующіеся державѣ его и защищаемые его законами! но щастливѣе несравненно тѣ, которые замѣчены его взоромъ, которые удостоены его дружбы! Увы! молодой Графъ Ланицкій добровольно лишилъ себя щастія быть избраннымъ другомъ Великаго Фридриха. Безъ сомнѣнія, милостивые Государи, вамъ извѣстно, какое уваженіе оказываетъ Его Величество Графинѣ Ланицкой, матери обвиненнаго — уваженіе которое ни мало не уменьшилось отъ странныхъ поступковъ сына. Августъ Ланицкій, родомъ Полякъ, получилъ воспитаніе въ Потсдамской школѣ, вмѣстѣ съ благороднѣйшими людьми Пруссіи. Кто могъ бы вообразить, чтобы воспитанникъ такихъ Учителей и сынъ такой матери не имѣлъ отлично высокихъ чувствъ, не былъ отличенъ въ своихъ поступкахъ, и болѣе нежели другіе надѣялся на него Фридрихъ Великій, который умѣлъ замѣтить въ немъ качества необыкновенныя и всегда простиралъ къ нему отеческую свою руку? Нужно ли доказывать, что обвиненный имѣетъ характеръ слишкомъ пылкій? — давно ли великодушный Монархъ принужденъ былъ извинять его дерзость и пренебречь оскорбленіе, молодымъ человѣкомъ ему нанесенное? Но чемъ же Графъ Ланицкій заплатилъ великодушному своему Государю за снизходительную кротость его? Неблагодарностію и

предательствомъ, тѣмъ болѣе ненавистными, что они дѣйствовали скрытно! Вы знаете, какою необузданною свободою пользуются въ Пруссіи дерзкіе сатирики, любимые чернію, которую забавляютъ они своими насмѣшками на счетъ ея правителей: взгляните на стѣны замка Санъ-Суси, покрытыя ругательными пасквилями безъименныхъ авторовъ: производятъ ли они какое-нибудь чувство негодованія въ душѣ великаго нашего Монарха? Не трудно было бы открыть дерзновенныхъ ругателей… Фридрихъ отмщаетъ имъ презрѣніемъ! Но естьли ругательства людей неизвѣстныхъ и низкихъ не могутъ быть для него ощутительны, то черная неблагодарность друзей, близкихъ къ его сердцу, дѣйствуетъ на него тѣмъ сильнѣе. Возможно ли оставить ее безъ наказанія? возможно ли пренебречь оскорбленіе, нанесенное такимъ человѣкомъ? который, за нѣсколько минутъ, лежалъ у ногъ прогнѣваннаго имъ Государя, исполненный раскаянія, обливаясь слезами любви, въ жару благодарности, удивленія, восторга? Таковъ поступокъ Графа Ланицкаго! — Представляю вамъ мои доказательства, и моихъ свидѣтелей.

Графъ Варендорфъ указалъ на. Прусскую вазу, и на двухъ свидѣтелей: надзирателя мануфактуры и стараго жида. Присяжные прочли на вазѣ; слово тиранъ, сличили его съ другими словами надписи, и нашли въ почеркъ совершенное сходство. Сильное негодованіе изобразилось на лицахъ слушателей. Графъ Варендорфъ велѣлъ приближиться жиду. Наружность его имѣла въ себѣ что-то необыкновенное и отвратительное; онъ былъ чрезвычайно сухъ и прямъ; голова его была неподвижна, но глаза бѣгали и сверкали; казалось, что этотъ человѣкъ всегда имѣлъ въ душѣ безпокойство, о чемъ-то заботился, хотѣлъ все видѣть, досадовалъ, что не имѣлъ назади глазъ. Видъ его былъ смѣлый, но онъ оглядывался по сторонамъ, когда начиналъ говорить, и голосъ его, чрезвычайно непріятный и охриплый, дрожалъ; этотъ человѣкъ назывался Саломономъ. Поклявшись Тальмудомъ, что онъ не лжесвидѣтель, онъ началъ отвѣчать слѣдующимъ образомъ на вопросы Графа Варендорфа:

Графъ. Знаешь ли эту вазу?

Саломонъ. Знаю.

Графъ. Гдѣ и когда ты ее видѣлъ? Объяви присяжнымъ все, что тебѣ, въ отношеніи ней, извѣстно!

Саломонъ. Я видѣлъ ее въ первой разъ въ Санъ-Суси, перваго числа сего мѣсяца, въ одннадцатомъ или двенадцатомъ часу вечера — не могу точно назначить времени. —

Графъ. Что нужды! продолжай. По какому случаю замѣтилъ ты эту вазу? Подумай хорошенько; не забудь ни одного обстоятельства: всего важнѣе, чтобъ господа присяжные знали

настоящее положеніе дѣла!

Саломонъ. Я получилъ эту вазу изъ рукъ Его Величества, которому угодно было, чтобы я, увернувши ее, положилъ въ ящикъ для отсылки во Францію; будучи охотникъ до рѣдкихъ вещей, я началъ внимательно ее разсматривать. Вотъ платокъ, которымъ я стиралъ съ нее пыль. Замѣтивъ надпись: во славу Фридриха Великаго, написанную бѣлою краскою по синему полю, и желая разсмотрѣть ее лучше, я началъ обтирать ее мокрымъ платкомъ; но къ удивленію своему примѣтилъ, что синяя краска, подъ самою надписью, стиралась и приставала къ платку; — я началъ тереть сильнѣе, оттеръ всю краску, и ясно увидѣлъ слово тиранъ. О Авраамъ! воскликнулъ я отъ удивленія. — Что сдѣлалось съ тобою, Саломонъ? спросилъ Его Велячество, который въ эту минуту стоялъ позади меня. Ты вѣрно усталъ, и хочешь пригласить отца Авраама къ себѣ на помощь? Я не могъ отвѣчать ни слова; удивленіе сковало мой языкъ; глаза мои были неподвижно устремлены на слово тиранъ; я не позволялъ себѣ имъ вѣрить и безпрестанно перечитывалъ надпись: во славу Фридриха, Великаго тирана. Волосы становились на головъ моей дыбомъ. — Его Величество, не дождавшись отъ меня отвѣта, взялъ изъ рукъ моихъ вазу, прочиталъ надпись и вышелъ изъ Галлереи, не сказавши ни слова. Болѣе ничего не могу объявить почтенному Собранію.

Саломонъ поклонился и хотѣлъ выдти изъ залы, съ позволенія господина Варендорфа; но Альбертъ требовалъ, чтобы онъ остался, желая сдѣлать ему допросъ въ свою очередь. Саломонъ сѣлъ на скамѣйку. Кликнули другаго свидѣтеля, главнаго смотрителя надъ Королевскою фабрикою, и Графъ Варендорфъ началъ допрашивать его слѣдующимъ образомъ:

Графъ. Видѣлъ ли ты надпись, сдѣланную на Прусской вазъ?

Надзиратель. Видѣлъ.

Графъ. Можешь ли ее вспомнить?

Надзиратель. Могу: во славу Фридрихаса Великаго тирана.

Графъ. Извѣстно ли тебѣ, кто сдѣлалъ эту надпись?

Надзиратель. Думаю, что Графъ Ланицкій.

Графъ. Можешь ли сказать, почему такъ думаешь?

Надзиратель. Софія Мансфильдъ, та самая Художница, которая разписывала вазу, при мнѣ просила Графа Ланициаго, имѣющаго прекрасный почеркъ, сдѣлать вмѣсто ея надпись на вазъ, которая не была еще обожжена. Молодой Графъ исполнилъ требованіе Софіи; я самъ видѣлъ, какъ онъ взялъ въ руки вазу, какъ написалъ на ней надпись, какъ отдалъ ее тому изъ мастеровыхъ, которому поручено было поставить ее въ горнъ — мастеровой немедленно вынесъ ее въ ближнюю залу, и вѣроятно

въ ту же минуту поставилъ на огонь.

Графъ. Но видѣлъ ли ты вазу въ ту минуту, какъ вынули ее изъ горна, и замѣтилъ ли слово тиранъ?

Надзиратель. Я видѣлъ ее спустя нѣсколько часовъ послѣ, читалъ надпись; но слово тиранъ, закрытое синею краскою, не было еще тогда примѣтно; я самъ отвозилъ ее въ Санъ-Суси. Дни черезъ два Государь призывалъ меня къ себѣ, показывалъ мнѣ надпись, но я не могъ, и теперь не могу сказать, какимъ образомъ явилось въ ней слово тиранъ: оно не могло быть приписано послѣ обозженія вазы, а развѣ только прикрыто синяю краскою. Я думаю, что оно написано Графомъ Ланицкимъ, и вотъ причины, заставляющія меня такъ думать: ему поручила Софія Мансфильдъ сдѣлать вмѣсто ея надпись; слово тиранъ написано такимъ же точно почеркомъ, какъ и другія; Графъ Ланицкій при мнѣ, въ другомъ случаѣ, называлъ Государя тираномъ. — Надзиратель пересталъ говорить; Альбертъ просилъ и его также не выходишь изъ залы. Оставалось допросить еще двухъ свидѣтелей: того ремесленника, которому Графъ Ланицкій отдалъ вазу, сдѣлавши на ней надпись, и того, который долженъ былъ поставить ее въ горнъ. Одинъ объявилъ, что онъ, по требованію обвиненнаго, тотчасъ отнесъ вазу въ ближайшую залу, въ которой находятся горны, и что въ это время ни одинъ человѣкъ къ ней не прикасался; другой утверждалъ, что онъ поставилъ вазу въ горнъ, вмѣстѣ со многими другими, и что онъ не отлучался отъ огня ни на минуту. Симъ кончились допросы Графа Варендорфа, который сказалъ, что не считаетъ за нужное подтверждать словами доказательсетва явныя; что онъ желаетъ искренно видѣть Графа Ланицкаго оправданнымъ; что самъ Великій Фридрихъ почтетъ торжествомъ пріятнымъ, естьли преступнику, имъ обвиненному и прежде ему любезному, возвращена будетъ невинность, а съ нею и дружба его Монарха.

Альбертъ, скромный, но въ то же время мужественный и твердый, выступилъ на средину залы. Графъ Ланицкій, который сидѣлъ спокойно во все продолженіе Варендорфова допроса, поблѣднѣлъ, когда увидѣлъ Альберта, идущаго опровергать его обвинителей. Графиня, блѣдная какъ смерть, неподвижно смотрѣла на Альберта: вся душа ея заключена была во взорахъ. Страшная тишина царствовала въ собраніи; казалось, что нѣжное чувство матери овладѣло сердцами зрителей; всѣ втайнѣ желали успѣха Альберту, неустрашимому, великодушному Альберту, который одинъ имѣлъ наружность спокойную и былъ заранѣе увѣренъ въ своей побѣдѣ.

„Не хочу, милостивые Государи, сказалъ Альбертъ, разтрогать чувствительности вашей изображеніемъ сильнаго моего чувства,

которое долженъ напротивъ усмирить: ибо, для убѣжденія васъ въ невинности моего друга, имѣю нужду въ спокойствіи духа, въ холодной прозорливости разсудка. Убѣдишь васъ — единственная моя цѣль! Не хочу прибѣгать къ украшеніямъ краснорѣчія, изобильно разсыпаемымъ передъ судилищемъ законовъ, и часто ослѣпительнымъ для безпристрастія судей — средства сіи не нужны для оправданія невинности, унизительны для ея защитника, оскорбительны для Судіи правосуднаго. Такъ думая, милостивые Государи, не позволю себѣ сказать ни слова въ похвалу великодушнаго и правосуднаго нашего Монарха. Похвала въ устахъ предателя, или въ устахъ того, кто защищаетъ подозрѣваемаго въ предательствѣ, не можетъ быть достойною ни Государя великаго, ни славнаго и благороднаго народа. Естьли увѣритесь, милостивые Государи, что имя предателя неприлично обвиненному моему другу; то отъ него зависитъ, не словами, но дѣломъ доказать благодарность свою Монарху, который позволилъ ему избрать судей своихъ между своими ровными. Я твердо надѣюсь, что судіи его могутъ быть убѣждены единою только истинною, не украшенною, но очевидною. Скажу имъ, что обвинители Графа Ланицкаго не представили ни одного положительнаго доказательства; ни одинъ изъ свидѣтелей не говорилъ и не можетъ сказать, чтобы онъ видѣлъ, какъ обвиненный писалъ слово тиранъ. Первый изъ нихъ, жидъ Саломонъ, объявилъ намъ только то, въ чемъ мы, и безъ его свидѣтельства, сами собою могли бы увѣриться, что въ надписи заключается слово тиранъ. Онъ первый стеръ синюю краску своимъ платкомъ: это такое обстоятельство, на которое не нужно обращать вниманія; оно правдоподобно, и слѣдственно можетъ быть принято за истинное. Но Графъ Варендорфъ и Саломонъ, при всей своей проницательности, не доказали намъ, чтобы существовала тѣсная, необходимая связь между платкомъ, краскою и мнимымъ преступленіемъ Графа Ланицкаго. Жида Саломона смѣнилъ надзиратель фабрики. Сначала я опасался, чтобы слова его, болѣе достойныя уваженія, не произвели наконецъ сей нужной, недостающей обстоятельствамъ нашего дѣла связи, безъ которой не можетъ быть очевидно преступленіе обвиненнаго. Но этотъ почтенный человѣкъ объявилъ намъ только то, что онъ слышалъ, какъ одна женщина, имѣющая дурной почеркъ, просила Графа Ланицкаго сдѣлать вмѣсто ея надпись на вазѣ, что онъ видѣлъ, какъ обвиненный писалъ — но что имянно писалъ, о томъ ни слова, хотя вѣроятно, что слово тиранъ имъ написано, и вѣроятно потому, что никто, кромѣ его, (такъ думаетъ по крайней мѣрѣ свидѣтель) не прикасался къ вазѣ; что надпись написана вся однимъ почеркомъ, и что наконецъ

обвиненный, при другомъ случаѣ, осмѣлился наименовать Государя своего тираномъ. Повторяю собственныя выраженія свидѣтеля для того, чтобы доказать вамъ, милостивые Государи, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть принято за обвиненіе положительное. Желая увѣрить васъ, что слово тиранъ не могло быть ни кѣмъ инымъ написано, какъ молодымъ Графомъ Ланицкимъ, представляю вамъ еще двухъ свидѣтелей: ремесленника, отнесшаго вазу въ горнъ, и ея обжигателя. Первый утвердительно сказалъ, что при переносѣ вазы изъ мастерской въ ту залу, въ которой находятся горны, не трогалъ ее никто; другой утверждалъ клятвенно, что ни одинъ человѣкъ не приближался къ вазъ съ той самой минуты, въ которую она вынута была изъ горна; но сей послѣдній сказывалъ ли, что не было никакого промежутка между тою минутою, въ которую получена имъ ваза и тою, въ которую ока поставлена въ горнъ для обожженія; великъ ли былъ этотъ промежутокъ, и гдѣ между тѣмъ находилась ваза? Спрашиваю; осмѣлится ли свидѣтель утверждать, что въ это время никто не прикасался, или не могъ къ ней прикоснуться? Короче, милостивые государи, вы видите ясно, что преступленіе друга моего не подтверждается никакимъ положительнымъ доказательствомъ.

Вамъ извѣстно, милостивые государи, что въ случаѣ недостатка доказательствъ явныхъ и положительныхъ, надлежитъ прибѣгать къ возможностямъ. Всѣ тѣ, которыя представлены вамъ почтеннымъ Адвокатомъ Его Величества въ подтвержденіе вины моего друга, признаны отъ васъ за убѣдительныя; прошу сравнишь ихъ съ тѣми, которыя представляю я въ доказательство, что Графъ Ланицкій не можетъ быть виновенъ. Я хочу говорить о его воспитаніи, характерѣ, умѣ и сердцѣ: не должно ли предположить, что онъ или закоренѣлый злодѣй, или безсмысленный глупецъ, чтобы признать его способнымъ въ такому низкому и вмѣстѣ безразсудному поступку? Онъ имѣетъ чрезвычайно живый характеръ; искренность его бываетъ слишкомъ часто неосторожна; и въ минуту сильнаго движенія онъ можетъ позволишь себѣ то, въ чемъ вѣроятно самъ будетъ разкаяваться черезъ минуту: въ доказательство представляю вамъ прежній проступокъ его — проступокъ, забытый столь милостиво Монархомъ, имъ оскорбленнымъ. Можноли вообразитъ, чтобы одинъ и тотъ же человѣкъ былъ въ одно время и столь прямодушенъ и столь коваренъ? И кто изъ васъ, милостивые государи, повѣритъ, чтобы снисходительность великодушнаго Фридриха не произвела никакого впечатлѣнія на душѣ моего друга? Такая нечувствительность несовмѣстна съ доброю и пылкою душею… а другъ мой истинно добръ и чувствителенъ!

Обратите глаза на блѣдную, трепещущую мать его, на горестныхъ его друзей — безпокойныя лица и слезы ихъ доказываютъ ли, что обвиненный имѣетъ изпорченную душу? Но, милостивые государи, на минуту похитимъ у Ланицкаго его сердце…. кто изъ насъ отважится утверждать, что онъ или имѣетъ ограниченный умъ, или сумасшедшій? Вы слышали уже, что Фридрихъ Великій замѣтилъ въ немъ дарованія необыкновенныя, и умъ проницательный! не успѣлъ онъ вступить на поприще честей, какъ сдѣлался уже близокъ къ своему Государю: однимъ только отличнымъ поведеніемъ сохранилъ бы онъ любовь Монарха, повелителя своего и Друга — чему же, напротивъ, приноситъ онъ на жертву и надежды свои, и будущую славу, и щастіе своей матери? Непостижимому, безразсудному удовольствію написать одно слово! Милостивые государи, или надобно подумать, что Графъ Ланицкій былъ увлеченъ сумазброднымъ, непобѣдимымъ желаніемъ написать слово: тиранъ; или никакъ не можетъ быть понятно, для чего и съ какимъ намѣреніемъ изобразилъ онъ его на вазѣ! Для тоголи, чтобы открыть Французамъ, что Фридрихъ тиранъ? Но человѣкъ, самаго ограниченнаго ума, нашелъ бы множество способовъ, дѣйствительнѣйшихъ, вѣрнѣйшихъ, и безъ сомнѣнія не выбралъ бы имянно того, которой въ минуту могъ обнаружить передъ глазами самаго Монарха его ненавистное предательство! И такъ утверждаю, что нѣтъ никакой вѣроятности, чтобъ Графъ Ланицкій, въ его положеніи, съ его умомъ и сердцемъ, сдѣлалъ такой поступокъ, который всякимъ безпристрастнымъ судьею долженъ быть признанъ за невозможный морально. И я не имѣлъ никакого инаго убѣжденія въ невинности друга моего, когда рѣшился его защищать, отдавши въ залогъ собственную мою свободу. Но Богъ, хранитель невинности, наконецъ просвѣтилъ совершенно мой разсудокъ! Я увѣренъ, я утверждаю, что другъ мой обвиненъ несправедливо, Позвольте представить доказательства мои на ваше разсужденіе.

Альбертъ кликнулъ свидѣтелей. Первый изъ нихъ, ремесленникъ, которому Ланицкій поручилъ отнести вазу въ ту залу, гдѣ находились горны, объявилъ, что онъ не отдавалъ ее обжигателю изъ рукъ въ руки, а напротивъ поставилъ вмѣстѣ съ другими фарфоровыми вещами на доску, лежавшую на столъ у самаго горна.

Альбертъ. Увѣренъ ли ты, что ваза поставлена была точно на доску, а не на столъ?

Свидѣтель. Увѣренъ. Это обстоятельство памятнѣе для меня отъ того, что я едва-было не уронилъ вазы на полъ. Оплошность моя сдѣлала меня осторожнѣе: я взялъ вазу въ объ руки и бережно поставилъ ее на доску — на доску, а не на столъ!

Альбертъ. Довольно. Болѣе ничего не желаю отъ тебя слышать.

Кликнули другаго свидѣтеля. То былъ смотритель надъ горнами. Альбертъ спросилъ у него: видѣлъ ли ты этаго человѣка, который утверждаетъ, что ваза была поставлена имъ на доску, лежавшую на столѣ, близъ самаго твоего горна? И увѣренъ ли ты, что онъ точно поставилъ ее не на столъ, а на доску?

Свидѣтель. Видѣлъ и увѣренъ.

Альбертъ. Можешь ли сказать, почему ты такъ въ этомъ увѣренъ?

Свидѣтель. Я помню, что этотъ человѣкъ, ставя на доску свою вазу, воскликнулъ: ахъ! Фрицъ, я едва не разбилъ этой проклятой вазы въ дребезги! Вотъ она, въ цѣлости; прими ее отъ меня руками. Я оглянулся и увидѣлъ вазу, стоящую на доскѣ.

Альбертъ. Не можешъ ли вспомнишь какихъ нибудь другихъ обстоятельствъ?

Свидѣтель. Помню только то, что онъ сказалъ мнѣ: поставь эту вазу въ горнъ! на что я ему отвѣчалъ: еще не время! печь не совсемъ разгорѣлась! я поставлю ее вмѣстѣ съ другими.

Альбертъ. И такъ она не тотчасъ по принесеніи была поставлена въ горнъ?

Свидѣтель. Нѣтъ. Я сказалъ уже вамъ, что печь не довольно была разжжена.

Альбертъ. Сколько же времени стояла она на столѣ?

Свидѣтель. Не знаю, не могу опредѣлить этаго точно — десять, двадцать или тридцать минутъ; но не болѣе!

Альбертъ. Очень хорошо. Но въ эти двадцать или тридцать минутъ ты безъ сомнѣнія не спускалъ съ нее глазъ?

Свидѣтель. Напротивъ, милостивый государь, я не имѣлъ никакой нужды на нее смотрѣть: она стояла у мѣста.

Альбертъ. Но помнишь ли, гдѣ она стояла въ ту минуту, какъ ты пришелъ за нею для помѣщенія ея въ горнъ?

Свидѣтель. Помню! Она стояла не на доскѣ уже, а на столѣ.

Король сдѣлалъ выразительное движеніе рукою. Все общество обратило на него глаза. Альбертъ продолжалъ: не обманываешься ли? Подумай!

Свидѣтель. Не обманываюсь, милостивый Государь! Ваза была на столѣ, а не на доскѣ — это вѣрно.

Альбертъ. Теперь скажи мнѣ: входилъ ли кто нибудь въ твою горницу въ то время, какъ ваза стояла еще на доскѣ?

Свидѣтель. Не думаю. Тогда былъ часъ обѣда. Работники разошлись; я одинъ остался подлъ печи, для надзиранія за огнемъ.

Альбертъ. Но кто же поставилъ вазу на столъ?

Свидѣтель. Не знаю, только не я!

Альбертъ. Слѣдовательно кто нибудь другой? Подумай хорошенько.

Свидѣтель. Многіе могли входить въ горницу и выходить изъ нее, но я не замѣтилъ ни одного человѣка, будучи занятъ своимъ огнемъ… Но… погодите… кажется… такъ точно! Жидъ Саломонъ приходилъ спрашивать у меня, куда дѣвалась Софія Мансфильдъ? Онъ бралъ въ руки вазу, и онъ-то вѣроятно переставилъ ее съ доски на столъ. Онъ что-то говорилъ о надписи, о стихахъ… не могу имянно вспомнить, о чемъ! Я худо его слушалъ, будучи занятъ, какъ я уже сказывалъ, своимъ горномъ,

Альбертъ. Довольно. Поди.

Третій свидѣтель былъ женихъ Софіи. Мансфильфъ, задержанный по приказанію Фридриха въ Берлинѣ, и разлученный съ своею невѣстою при самомъ олтаръ Божіемъ. Онъ объявилъ, что видѣлся съ Софіею въ самый тотъ день, въ который, отдѣлавши свою вазу, она отдала ее обжигать на фабрику. Софія сожалѣла, что онъ, пришедши поздно, не могъ видѣть ея работы. Но я — продолжалъ свидѣтель — будучи въ великомъ нетерпѣніи, и надѣясь увидѣть вазу, прежде, нежели она поставлена будетъ въ печь, побѣжалъ на фабрику; у самаго входа встрѣтился со мною Жидъ Саломонъ, который, сказавъ мнѣ, что ваза уже въ печи, взялъ меня подъ руку, почти насильно повелъ съ собою, и началъ говорить о тѣхъ деньгахъ, которыя Софія поручила ему переслать въ Саксонію.

Альбертъ. Какія это деньги? Развѣ Софія занимала ихъ у Жида Саломона!

Свидѣтель. Напротивъ. Саломонъ долженъ былъ Софіи за нѣкоторыя картинки, писанныя ею на стеклѣ, по его заказу. Въ слѣдствіе ихъ договора, Жидъ Саломонъ обязанъ былъ пересылать эти деньги въ Саксонію къ родственникамъ Софіи, которыхъ она содержала своею работою.

Альбертъ. Точно ли эти деньги доставлены были родственникамъ Софіи?

Свидѣтель. Нѣтъ. Я третьяго дня получилъ отъ невѣсты моей письмо, въ которомъ она увѣдомляетъ меня, что Саломонъ ее обманулъ, и требуетъ, чтобы я принудилъ его заплатить ей деньги.

Альбертъ. Слѣдовательно Жидъ Саломонъ имѣетъ не весьма строгія правила честности. Но прежде не говорилъ ли онъ чего нибудь съ тобою о возвращеніи Софіи въ Саксонію?

Свидѣтель. Говорилъ, и не однажды. Изъ всѣхъ его разговоровъ могу заключить только то, что онъ весьма желалъ оставить ее въ Берлинѣ, дабы воспользоваться ея дарованіемъ. За

недѣлю передъ тѣмъ, какъ Его Величество наименовалъ Софіину вазу Прусскою, я встрѣтился съ нимъ на улицѣ и сообщилъ ему надежду свою скоро возвратиться съ моею невѣстою въ Саксонію. Онъ нахмурился и отвѣчалъ: это еще не вѣрно.

Альбертъ. Не говорилъ ли онъ когда нибудь съ тобою о Графъ Ланицкомъ?

Свидѣтель. Однажды; въ тотъ самый день, въ который Графъ посѣщалъ вмѣстѣ съ вами фарфоровую мануфактуру. Я спросилъ у Саломона: кто этотъ прекрасный молодой человѣкъ, въ гусарскомъ мундирѣ, который такъ живъ въ разговорѣ, и имѣетъ такіе блестящіе глаза? — Онъ нахмурился: это Графъ Ланицкій, отвѣчалъ онъ мнѣ, вѣтренная, насмѣшливая повѣса! Онъ не даетъ мнѣ покою своими колкостями, и я, признаться, ненавижу его отъ всего сердца.

Альбертъ. Я доволенъ. Ты можешь насъ оставить, —

Свидѣтель, представленный къ допросу послѣ жениха Софіи Мансфильдъ, былъ Прусскіи купецъ, торговавшій въ Берлинѣ красками. Онъ объявилъ, что жидъ Саломонъ покупалъ у него синюю краску, которой нѣсколько цвѣтовъ пробовалъ на клочкѣ бумаги, вынутой имъ изъ кармана и забытой въ лавкѣ; что наконецъ онъ взялъ небольшое количество темнаго цвѣта краски. Свидѣтель представилъ ея образецъ. Альбертъ продолжалъ: цѣла ли у тебя бумажка?

Свидѣтель. Вотъ она. Саломонъ оставилъ ее на моемъ столъ. Я побоялся ее бросить, нашедши на ней арифметическую выкладку, и думая, что она можетъ понадобиться Саломону. Но Саломонъ не возвращался. Я позабылъ уже и объ немъ и о бумажкѣ его, когда вы, милостивый государь, дней восемь тому назадъ, пожаловали ко мнѣ въ лавку, спрашивали, какую краску бралъ у меня Жидъ Саломонъ, и увидя лоскутокъ бумажки, имъ забытый, приказали сберечь ее, запретивъ мнѣ говорить о вашемъ посѣщеніи до самаго того дня, въ которой назначено было судить Графа Ланицкаго. Ваше приказаніе изполнено, и вотъ бумажка.

Альбертъ представилъ ее присяжнымъ. Нашли, что синяя краска, которую покупалъ и пробовалъ на этомъ отрывкѣ Жидъ Саломонъ, имѣла одинакій цвѣтъ съ тою, которою покрыта была ваза. Альбертъ приказалъ Саломону показать платокъ: увидѣли, что краска, прилипнувшая къ платку, была такая же точно; какою была натерта бумажка и выкрашена ваза. Увѣрясь наконецъ, что судьи всѣ единодушно признаютъ сходство красокъ, Альбертъ просилъ, чтобъ развернули бумажку и прочли написанныя на ней слова. Увидѣли слово тиранъ, около десяти разъ повторенное, и не однимъ почеркомъ — казалось, что кто-то старался подписаться подъ чужую руку. Одно или два изъ этихъ словъ

были совершенно сходны съ словомъ тиранъ, изображеннымъ на подножіи вазы, Альбертъ, представивъ всѣ сіи доказательства присяжнымъ, сказалъ наконецъ, что онъ не будетъ утомлять вниманія ихъ новыми убѣжденіями; что дѣло объясняется само собою, что невинность друга его не можетъ, подвержена быть сомнѣнію, и что наконецъ предоставляется безпристрасію судей рѣшить, кто преступникъ: пылкій ли Графъ Ланицкій, или благоразумный и осторожный Жидъ Саломонъ? Альбертъ возвратился на свое мѣсто. Судья въ нѣсколькихъ словахъ представилъ присяжнымъ сущность всего дѣла, и столь ясно, что всѣ они въ одинъ голосъ воскликнули: невиненъ! Громкія рукоплесканія зашумѣли въ залѣ; но Фридрихъ всталъ съ своего мѣста, и все утихло.

«Я подтверждаю приговоръ присяжныхъ! сказалъ онъ. Графъ Ланицкій дайте мнѣ вашу руку; я поступилъ слишкомъ поспѣшно, отнявши у васъ шпагу: вотъ вамъ моя; владѣйте ею, а вашу беру себѣ,» Фридрихъ снялъ съ себя шпагу и подалъ ее молодому Графу. «Благодарю васъ, сказалъ онъ Альберту, простирая къ нему руку. Вы не имѣете нужды въ шпагѣ, чтобъ быть защитникомъ своихъ друзей; но я желаю, чтобы вы вступили въ мою службу и были мнѣ полезны вашимъ перомъ. Вѣрьте, Баронъ Альтенбергъ, что Фридрихъ умѣетъ цѣнить людей благородныхъ и награждать полезные таланты. А ты, проклятый Еврей! воскликнулъ онъ бросивъ на Саломона грозный взглядъ, ты стоишь того, чтобы сію же минуту отправить тебя къ твоему отцу Аврааму — но я хочу, чтобы и ты приносилъ какую нибудь пользу, не имѣя однако способа вредить честнымъ людямъ. Съ сего часа опредѣлено тебѣ, во всю твою жизнь мести Потсдамскія улицы, не забывая и той, на которой построенъ домъ Графа Ланицкаго!» — Снова шумныя восклицанія послышались въ залѣ. Фридрихъ подвелъ къ Графинѣ Ланицкой ея сына. Онъ подалъ ей руку, и провожая ее съ лѣстницы, сказалъ, что будетъ у нее обѣдать и пить за здоровье Августа Ланицкаго. Послѣ обѣда училъ онъ гвардію: всѣ замѣтили, что онъ имѣлъ на себѣ шпагу молодаго Графа.